

Это было в тысяча девятьсот семьдесят первом году в городе Красноярске. Но чтобы вам, уважаемые читатели, было всё понятно, придётся осветить важный момент из моего детства в таёжном Манском районе. Уже с третьего класса я увлеклась рифмовкой слов и пыталась из них «лепить» строки и писать стихи. Никому не давала их читать, потому что они были бестолковые, никому не нужные. А писать я их любила: что увижу — то и рифмую.

...Выросла, стала работать на стройке в Красноярске и жила в общежитии. Вечерами училась в техникуме, но стихи писать не забывала — они как бы всегда жили рядом со мной. Потом стала коротенькие рассказы писать о событиях, особенно ярких, тревожных, несправедливых. Все свои работы хранила в папке. Она была старенькая, картонная и завязывалась на шнурках. Я её хранила как зеницу ока, никому не позволяла брать. Однажды вечером, когда я была на занятиях, наша комендант Нина Борисовна ходила по комнатам и собирала материал для статьи в газету «Красноярский рабочий» о жизни молодёжи. Она зашла в нашу комнату, стала расспрашивать: кто может что-нибудь предложить для газеты. Подружки мои все в голос сказали:

— Женя у нас стихи пишет, но её нет.

Комендант стала просить дать ей мои стихи хоть на ночь. Девчонки дали мою папку на свой страх и риск. А мне ничего не сказали. Боялись, что обижусь, буду недовольна. Я не заметила исчезновения своей сокровенной папки. Нина Борисовна, выбрав два стихотворения, переписала их и отправила в газету. А папку она вернула, и девчонки положили её в тумбочку.

Однажды в выходной день к нам в комнату заходит девочка и говорит:

— Женя, тебя какой-то писатель просит к телефону на вахте.

Я побежала. Бегу с третьего этажа и думаю: «Какой-то розыгрыш. Вроде бы не первое апреля». Подхожу к телефону, беру трубку, говорю:

— Алло! С кем имею честь?

С другого конца провода слышу спокойный голос:

— А я с Евгенией Карловой разговариваю?

— Да, — отвечаю я.

— Это вас беспокоит писатель Виктор Астафьев. Я прочёл в «Красноярском рабочем» два ваших стихотворения: «Северная ночь» и «Кукушка». Хочу с вами встретиться.

У меня от волнения задрожали ноги. Во-первых, я не знала, как мои стихи туда попали. Во-вторых, Виктор Петрович их прочёл и обратил внимание. Чуть замешкавшись, едва придя в себя, я отвечаю:

— Да, конечно, я согласна. Когда и где?

Он продолжает беседу:

— Я пришлю вам пригласительный билет. Там будет указан адрес и время. Захватите с собой ваши работы, которые считаете нужными. Посмотрю. Обсудим. Приходите на полчаса раньше.

— Спасибо, обязательно приду! — вскрикнула я от неожиданной информации из другого конца провода.

Я готова была идти, бежать, ехать хоть на край света.

— До свидания, Евгения, до встречи, — спокойно произнёс он.

— До свидания, — ответила я и заулыбалась, довольная разговором.

В ту пору мне было уже девятнадцать лет. Стою на вахте общежития, в котором жила, в красных домашних тапочках, в коротеньком халатике из голубого ситца с разбросанными по нему светло-розовыми лилиями. По плечам распущенные волосы золотистого цвета. От волнения порозовели щёки, и от неожиданного разговора горели глаза.

«С ума сойти: сам Астафьев мне позвонил!» Я первый раз разговаривала с великим писателем. И сама ещё не верила в такое везение.

«Лечу» вверх по лестнице на свой этаж и говорю сама себе: «Ну, держитесь, девушки комнаты триста тридцать четыре!»

Я захожу в комнату, а они меня уже ждут с любопытным нетерпением.

— Ну и что вы натворили? Просила вас папку не трогать! Как мои стихи оказались в газете? А теперь мне надо отвечать за своё сочинительство. Писатель пригласил меня на встречу. Начнёт читать и скажет: «Бездарь!»

— Кто он? — закричали девчонки, перебивая друг друга.

— Виктор Петрович Астафьев, — сказала я и поникла.

Меня охватил страх перед неизвестностью.

— Пусть только попробует! Мы лучше знаем, как ты пишешь, — с воинственным видом убеждали меня мои подружки.

Наверное, через неделю парень принёс мне приглашительный билет в Дом офицеров и передал лично в руки.

Настал долгожданный день. Я, волнуясь, собралась на встречу с писателем Виктором Астафьевым. И вот я пришла раньше назначенного времени на двадцать минут. Захожу в освещённую залу: там стоят десять столиков. На каждом возвышаются высокая ваза с шоколадными конфетами и бутылка шампанского. Это торжество было посвящено революционному празднику — 7 ноября. Меня встретил мужчина, одетый в чёрный костюм и белую рубашку с бабочкой. Он взял мой приглашительный билет, проводил меня к раздевалке, помог снять пальто и, взяв легонько под локоток, подвёл меня к столику, где уже сидел Виктор Петрович. На вид он был прост, как деревенский мужик, и одет тоже был скромно. На нём был чёрный костюм, простенькая рубашка в полоску, без галстука, верхняя пуговица была не застёгнута. Похоже, было, что он одежде не придаёт особого значения. Но это передо мной сидел выдающийся человек — писатель, классик русской литературы!

— Хорошо, Евгения, что вы пришли пораньше, мы успеем поговорить, — рукой показал на стул.

Сам привстал и помог мне сесть.

Я обратила внимание на то, что волосы у Астафьева были зачёсаны назад, один глаз казался чуть меньше другого (это позже я узнала, что на войне он был ранен осколком в голову и потерял зрение на правом глазу). Писатель приветливо улыбался мне и заботливо расспрашивал обо всём. Я рассказала, откуда приехала, чем занимаюсь, что пишу. Он тоже волновался, чувствуя ответственность предо мной. Ему нужно было довести до этой начинающей писать девушки всю полноту своих знаний. И вдруг он мне говорит:

— Я был в Анастасино... — и стал называть моих земляков, с кем он знаком.

Когда я ему о себе рассказала, тогда спросила и его:

— Виктор Петрович, а вас что подвигло на творчество?

Почему вы начали писать?

— Война... — сказал он с грустью и произнёс это слово так обречённо, что я внутренне содрогнулась.

Виктор Петрович рассказал мне вкратце о самом наболевшем и добавил:

— Это единственный способ бороться с ложью — писать правду. Женечка, ты не смотри военные фильмы — это всё ложь. Режиссёры искажают страшную правду о войне.

Я девушка — строитель современного города, по характеру весёлая, общительная, а в этом творческом коллективе чувствовала себя капелькой от дождя, висящей на кончике листика, которая может в любой момент сорваться и упасть на землю, разбившись вдребезги. А он наоборот — раскрытой шкатулкой ценных знаний с простым видом, но с проникновенным умом.

Мне казалось, что Бог послал с небес этот день и эту встречу для меня. И Виктор Петрович понял, что я чувствую, встретившись впервые с писателем.

Стали подходить приглашённые. За наш столик сел красноярский композитор Николай Голосов и ещё какой-то молодой человек — он был участником Всесоюзного конкурса «Алло, мы ищем таланты!». Виктор Петрович взял мои листочки и стал их читать, править и что-то писать в своём блокноте. Я сидела, с интересом слушала выступления. Наш столик был самый крайний, и выступить мы должны были последними.

А Виктор Петрович всё писал, читал и снова писал. Дошла очередь и до нашего стола, и я попросила Виктора Петровича прочитать моё стихотворение, потому что я была простуженная, с ослабевшим голосом. Писатель без всяких возражений согласился и прочёл его. А прежде он представил меня так:

— А это наша дебютантка — Евгения Карлова из Манского района. У неё охрип голос, и она предоставила мне честь прочитать её стихотворение «Северная ночь».

Все захлопали. А когда Астафьев прочёл его, я сама не поверила, что оно моё. Он так продекламировал стихотворение! Я сидела и гордилась собой впервые в жизни. У меня на душе стало спокойно.

Виктор Петрович читал отрывок из своей книги «Последний поклон» спокойным голосом, задушевно и с теплотой. На этом выступления закончились, и ведущий сказал:

— Товарищи, разливайте шампанское, я всех поздравляю с праздником — Днём Великой Октябрьской революции! — и дальше высказал пожелания.

Потом мы хором пели песню «С чего начинается Родина?». Наконец, объявили танцы. Николай Голосов заиграл на своём баяне вальс. Виктор Астафьев вальсировать не умел, но никому не позволял меня приглашать, а только сам со мной медленно передвигался, как в танго. А я и сама не хотела ни с кем танцевать. Ведь я пришла к нему на встречу и дорожила общением, каждым его мгновением. Я писателя боготворила. В медленном танце он успевал мне много рассказывать о войне, о своих произведениях, о взаимоотношениях людей и послевоенной эпохе.

В двадцать один час праздник объявили закрытым. Мой новый знакомый вырвал из своего блокнота лист, протянул его мне и при этом сказал:

— Дома прочитаешь. Мы с тобой, Женя, встретились в год, когда я написал повесть «Пастух и пастушка», — тысяча девятьсот семьдесят первый год. Ты не против, если мы продолжим наше общение и я опять позвоню?

...На листке из блокнота были написаны для меня рекомендации, советы писателя: как писать стихи. Предлагаю и вам, уважаемые читатели, одно четверостишие — рекомендацию Виктора Петровича:

Не ищи красивых фраз,
Строки пиши просто,
И тогда ты не зараз,
Но достигнешь роста.

Тогда, я была безумно рада неожиданной встрече со знаменитостью, и много вопросов остались незадавленными. Я слушала его. Мне было дорого каждое слово, как реликвия. А теперь я сожалею, что эта встреча произошла не сейчас, а тогда, когда моя голова была забита молодостью, походами, друзьями, театрами, дискотеками и стихами низкой пробы о несчастной любви, о цветах под дождём, облаках, гусях, улетающих на юг, и ещё о разных мелочах, которые мне казались

важными. Когда Виктор Петрович со мной говорил о своих произведениях и на какой основе они рождались, о своей жизни, мне было стыдно за свои меркантильные интересы, за безоблачную, счастливую, я бы даже сказала — везучую жизнь, которую не сравнишь с судьбой Виктора Астафьева.

Я слушала писателя, он для меня говорил! Не кто-то, а я видела великого человека рядом, которого знала вся страна! Много людей ходят, живут вокруг меня, а встречу он назначил мне!

Это счастье, это удача, это везение, которое не каждому дано. И мне он говорил, что нельзя жить одним днём, что надо извлекать из всей жизни, из всего увиденного то важное, что полезно городу, людям, друзьям, себе, и творить! Этот человек говорил о важном: о том, что он думает о войне. О том, что Россия воевала численностью, а немцы к войне готовились тщательно, и у них потерь меньше среди людских ресурсов, так же как и в других странах. Немцы — нападающая страна — такой роскошью не обладали. Я слушала писателя, и мне казались страшными его смелые откровения. А уже позже, анализируя сказанное, пришла к выводу, что наша встреча была нужна больше Виктору Петровичу, потому что он мне высказал свою боль, которую и я стала чувствовать своим сердцем. Я поняла, что ему тяжело с этой болью жить. И была рада, что полезна ему, даже в виде «жилетки», в которую можно выплакать, высказать то, что тяжело нести, шагая по жизни, от чего саднит сердце. Видимо, я была хорошим слушателем, что именно со мной Астафьев так откровенно говорил. Я прониклась к нему до глубины души молодой девушки без жизненного опыта и сумела понять его. Он это почувствовал и благодарно на меня смотрел.

С тех пор прошло чуть больше полувека. Я несколько раз пыталась написать про эту встречу воспоминания, признаюсь, не находила нужных слов и откладывала на потом. Мои слова казались серенькими, недостойными такого выдающегося человека. А многие историки и политики, даже современники критикуют писателя за то, что он писал правду о войне. Астафьев — человек, настоящий. Такие люди, как Виктор Петрович, не всем удобны и выгодны. Он стал писателем, и все услышали о нём, о человеке добром и честном, иногда наивном, иногда напористом.

Три часа нашего общения с писателем не прошли бесследно, а оставили след в моей жизни. Он относился ко мне как к дочери. Я с шестнадцати лет жила в городе, и никто обо мне не заботился. А он относился ко мне с отцовской заботой.

Скорей всего, он не считал мои стихи хорошими, ему хотелось общения, понимания и внимания. То ли он был одинок, то ли ему хотелось внести в свою жизнь новую струю, как воздух. Эта мысль ко мне пришла тогда, когда я захотела написать первый раз воспоминание об этом знаменательном событии. Виктор Петрович мне показался сначала печальным и каким-то то ли растерянным, то ли обречённым. А потом преобразился, повеселел, ему хотелось сделать мне что-то приятное. Он мне говорил комплименты, хотя я их не любила никогда, но от него принимала и смеялась. Я ему верила. И мне хотелось помочь ему быть ещё больше значимым. На нашу беседу обращали внимание другие гости этого знаменательного праздника. Потому что, общаясь, мы не замечали никого вокруг. Старались успеть, всё сказать, что накопилось и о чём не всем расскажешь.

Может быть, современники и очевидцы писателя поймут его лучше, чем потомки.

Мне с Виктором Петровичем Астафьевым — классиком русской литературы — встретиться больше не довелось. Я была счастлива от этой судьбоносной встречи. И, придя в комнату нашей общаги, я с вдохновением написала стихотворение из шести четверостиший «Про жизнь», как я её тогда понимала.

12 января 2024

Об авторе:

Евгения Леонтьевна РЫЖИКОВА родилась в декабре 1951 года в Манском районе. Восемь классов окончила в Анастасинской школе. После девятого класса поступила в ГПТУ и параллельно в школу рабочей молодёжи; окончив, работала в Красноярске в СУ-42. Заочно училась в строительном техникуме. Стихи писала с детства, рассказы — с тридцати лет.